

УДК: 94: 325

ГРУЗИНСКИЕ ВИТЯЗИ НА ЧУЖБИНЕ

GEORGIAN KNIGHTS IN EXILE

©*Логунова З. П.*

*Комсомольский–на–Амуре судомеханический техникум
г. Комсомольск–на–Амуре, Россия
Zinaida.Logunova@yandex.ru*

©*Logunova Z.*

*Komsomolsk–on–Amur ship mechanical technical school
Komsomolsk–on–Amur, Russia
Zinaida.Logunova@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности пребывания российских беженцев на Северо–Востоке Китая (Маньчжурии) после революции 1917 г. в России, в период гражданской войны и захвата власти большевиками. Главным пунктом российского беженства стал центр полосы отчуждения КВЖД — город Харбин. Часть эмигрантского населения бывшей Российской империи, в том числе и грузинского, оказавшегося на чужбине на положении эмигрантов без правовой защиты, создавали с целью сплочения и взаимопомощи национальные сообщества. Но, оказавшись в узле советско–китайских, советско–японских конфликтов, не выдержав угроз и нападений, грузинская эмиграция хирела, разорвалась и вынуждена была выехать из Китая.

Поэтому объектом исследования тематики данной статьи является выявление мотивов и причин переселения грузин в зону отчуждения КВЖД; предметом исследования является деятельность грузинской диаспоры и особенности их включения в процесс социального, культурного и политического взаимодействия за рубежом, а также особенности сохранения этнического самосознания, национального менталитета и религиозных традиций грузинского народа.

Методологическую основу составляют принципы историзма и научной объективности. При написании статьи автор опиралась как на архивные источники, так и на работы отечественных исследователей.

Автор находит, что значимость данной статьи состоит в актуальности тематики исследования, так как российская постреволюционная эмиграция является трагедией для нашей страны. Вынужденные жить на чужбине, терпя лишения и невзгоды, подчиняясь законам чужой страны, люди не имели возможности вернуться на родину, ввиду недоброжелательного отношения к советской власти, и были отторгнуты ею.

Abstract. This article discusses the features of the stay of Russian refugees in Northeast China (Manchuria) after the revolution of 1917 in Russia, during the civil war and the seizure of power by the Bolsheviks. The main point of the Russian refugees became a center Strip of alienation of KVZHD–city of Harbin. Part of the emigrant population of the former Russian Empire, including the Georgian caught abroad on the situation of emigrants without legal protection, created with the purpose of cohesion and mutual assistance among national community. But, once in the site of the Soviet–Chinese, Japanese–Soviet conflict, unable to withstand the threats and attacks, the Georgian emigration was riddled, ruined and was forced to leave China.

Therefore, the object of the study subjects of this article is to identify the motives and reasons for the resettlement of Georgians in the alienation zone of KVZHD; the subject of research is the Georgian diaspora and their inclusion in the process of social, cultural and political engagement abroad, as well as the persistence of ethnic self-consciousness, national mentality and religious traditions of the Georgian people.

Methodological principles based on Historicism and scientific objectivity. When writing an article, the author relied on both archival sources and domestic researchers.

The author finds that the relevance of this article is to study topicality as the Russian emigration Post-revolutionary is a tragedy for our country. Forced to live in exile, enduring hardship and adversity, obeying the laws of the foreign people were unable to return home because of an unfavourable attitude to the Soviet authorities and were alienated by it.

Ключевые слова: Грузинское национальное общество, предпринимательская деятельность, особенности включения в процесс социального, культурного и политического взаимодействия за рубежом, особенности сохранения этнического самосознания, национального менталитета и религиозных традиций грузинского народа, зигзаги внешней политики, произвол, японская оккупация Маньчжурии.

Keywords: Georgian national society, entrepreneurial activity, especially the inclusion of social, cultural and political engagement abroad, particularly the persistence of ethnic self-consciousness, national mentality and religious traditions of the Georgian people, zigzags foreign policy, arbitrariness, the Japanese occupation of Manchuria.

В конце XIX в. усиление военной мощи Японии при слабой заселенности и оторванности территории Приамурья и Приморья от центральной части России показало незащищенность восточных окраин России. По этой причине министр финансов С. Ю. Витте активно поддерживал строительство Великого Сибирского Железнодорожного пути и идею прохождения ее юго-восточного ответвления — КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги) через территорию Маньчжурии. Витте считал, что постройка этой дороги будет выгодной как российской, так и цинской стороне.

Вместе со Строительным управлением в Маньчжурию со всех концов России потянулись тысячи россиян — людей различных профессий. Однако основную массу приезжих составляли квалифицированные рабочие-железнодорожники, образовавшие костяк рабочего класса на КВЖД.

Как отмечает историк-китаист Г. В. Мелихов, «уже в 1899 г. в одном только Харбине насчитывалось около 14 тыс. выходцев из Российской империи, причем представителей ее 28 различных национальностей — русские, поляки, евреи, армяне, грузины и др. Одни приехали сюда еще в составе изыскательных партий, другие — с обозами строителей» [1, с. 75].

Источники архивного фонда ГАХК, а в первую очередь, «XXX-й юбилейный сборник Грузинского общества в Маньчжоу-ди-Го, 1905–1935 г. г.», изданный в Харбине в 1937 г., указывают следующие причины появления грузин в Харбине (1):

- 1). Постройка КВЖД, связанные с ней разные коммерческие организации и хорошо оплачиваемые служебные должности;
- 2). Русско-японская война, военная служба и выполнение военных подрядов;
- 3). Принудительная высылка в административном порядке из Грузии лиц «политически неблагонадежных», легко нашедших в Маньчжурии применение своему труду, благодаря либеральному отношению к ним местных властей.

Следует добавить, что, несомненно, с конца XIX в. некоторая часть кавказцев на протяжении длительного времени попадала на Дальний Восток по Сибирскому тракту за приверженность обычаю кровной мести.

Содержащаяся в XXX-й юбилейном сборнике Грузинского общества в Маньчжоу–ди–Го статья «Жизнь и деятельность Грузинской колонии в Маньчжурии с 1906–1910 г. г.» свидетельствует также о том, что «уже к 1901 г. в Харбине насчитывалось до 100 человек грузин. Первые грузины стали приобретать земельные участки и воздвигать на них фундаментальные здания» (1).

Представляет интерес, во вторую очередь, архивный документ Бюро российской эмиграции в Маньчжурии Ф. 830. Оп. 2. Д. 41 от 21 августа 1945 г.: «Список организаций Российской эмиграции в гор. Харбине» (2):

№ n/n	Наименование организации	Время открытия	Адрес	Число членов	Руководитель
3.	Грузинское Общество Взаимопомощи	1905 г.	Да–тун, дом 24	134 и 13 соревнователей	Хундадзе, Георгий Ермолаевич

Это позволяет сделать вывод, что Грузинское национальное общество является одной из старейших организаций Харбина; что Грузинское национальное общество имело собственный дом по адресу: Да–тун, 24; что 1905 год можно считать годом основания Грузинского общества; что, наконец, грузины в Маньчжурии с начала основания Грузинской колонии были нацелены на активную деятельность.

Исследователь М. Эбралидзе отмечает, что «в Харбине в 1908 г. при участии Симона Микеладзе, Николаза Цулукидзе, Лаврентия Абашидзе, Георгия Мгалоблишвили и Ивлианэ Хаиндрава было основано грузинское землячество» [2].

В течение длительного времени председателем Грузинского Общества был Иулиан Леванович Хаиндров, отец двух талантливых детей, ярко проявивших себя в русской и грузинской литературе — Лидии и Левона Хаиндровых [1].

Иулиан Леванович принимал активное участие в создании Первой Грузинской аптеки, работавшей на коммерческих началах, а также в приобретении для собраний Общества и нуждающихся в жилье грузин доходного дома в районе Пристань (1).

Кроме того, Грузинским национальным обществом руководило правление, из числа которого были уполномочены в Городское самоуправление Г. А. Мгалоблишвили, И. Л. Хаиндрава, Н. Р. Сулханшвили и др.

Представляют интерес следующие утверждения, содержащиеся в «XXX-й юбилейном сборнике Грузинского общества в Маньчжоу–ди–Го (1905–1935 г. г.)» о том, что грузины считались весьма энергичными деятелями в общественной жизни и в области благоустройства города (1):

1) «Под руководством и по инициативе членов грузинской колонии в Харбине был освоен ряд культурных учреждений: бухгалтерские курсы И. Гогвадзе, «Кавказское товарищество искусственных минеральных вод», грузинская аптека Дanelия и Хоттария, грузинская амбулатория доктора Николаза Джишкариани, производство кофе и плантационного цикория И. Глонти»;

2) «Весьма крупными подрядчиками и поставщиками на железной дороге и по военному ведомству считались: Б. Робакидзе, В. Таварткиладзе, К. Маткава, через которых находили постоянную работу многие грузины»;

3) «Грузины коммерсанты немало способствовали сбыту и распространению продуктов отечественной промышленности, в особенности кахетинских вин, с успехом конкурирующих с лучшими французскими винами, к примеру, Г. Гишхелаури был первым пионером,

который положил начало производству вин из местного винограда, ставшим для огромного контингента лиц источником дохода»;

Статья называет ряд грузинских фамилий, ставших известными в Харбине, благодаря активной общественной деятельности, старожилов Харбина — И. Хаиндрава, И. Тоидзе, Д. Гагуа, Г. Хундадзе, Д. Гегенава.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что грузины пользовались уважением и большим доверием со стороны администрации и находились в наилучших отношениях со всеми слоями городского населения.

Кроме того, как указывает исследователь Ю. Д. Анчабадзе, «кавказцы были представлены практически во всех социально–профессиональных нишах города. Кавказцы были представлены во врачебной, преподавательской, военной, торгово–ремесленной корпорациях харбинского социума; многие из них внесли вклад в литературную и художественную жизнь города» [3].

В период русско–японской войны и революционного брожения, количество грузин в Харбине заметно увеличилось. Более того, как свидетельствует источник, «в Харбине появляются различные люди, главным образом это — дезертиры, искатели приключений, преступные элементы», в связи с этим «для грузинского общества, начиная с 1904 г., появляется настоятельная необходимость в большой сплоченной организации. В 1905 г. при содействии грузинской вооруженной самообороны, насчитывающей более 200 человек, Харбин в довольно короткий срок был очищен от преступных элементов» (1).

Отсюда следует, что грузины весьма активно включились в общественную жизнь Харбина, а также в борьбу по сохранению порядка и искоренению преступности в городе, чем заслужили уважение к себе. Основанием для подобного суждения служат следующие факты:

1) Грузинской колонии разрешалось иметь свой земляческий суд, постановления которого, даже о высылке нежелательных членов колонии, приводилось в исполнение администрацией незамедлительно (1);

2) «Грузинская библиотека» или, точнее, «Общественная бесплатная библиотека–читальня», основанная в 1905 г., в 20-х г. г. получила наибольшее развитие и имела уже более 13 тыс. томов по различным разделам знаний и разнообразным жанрам, а в 40-е годы получила имя создателя «Витязя в тигровой шкуре», прославленного грузинского поэта Шота Руставели» [1].

«Харбинские грузины жили полнокровной жизнью. Они ежегодно отмечали День независимости Грузии 26 мая, праздники — Нинооба, Тамароба, Рождество, Новый год, Пасху. В день празднования Пасхи грузины собирались в церкви Иверской Богоматери. Грузинское национальное общество заботилось о сохранении религии, национальной культуры, языка и традиций в грузинской среде. При обществе имелась также национальная школа, где грузинские дети могли изучать родной язык, в которой был преподавателем К. М. Махвиладзе» [2].

В период революции 1917 г. и гражданской войны в России количество грузин в Маньчжурии значительно увеличилось. По данным Е. Н. Чернолуцкой, число грузин к 1917 г. составляло более одной тысячи человек [4].

Бесперывный приток новых лиц, — беженцев, белогвардейцев, нуждающихся в помощи и устройстве на службу, поддержанных чувством национальной солидарности и взаимопомощи, чрезмерно развитым от природы у грузин, в особенности при пребывании на далекой чужбине, способствующим сплочению грузин в одно неразрывное ядро, вокруг которого постоянно объединялись прибывшие грузины, — привел к принятию решения

руководством грузинской колонии организовать кассу взаимопомощи для оказания материальной поддержки соотечественникам, приехавшим в Маньчжурию, для этого устраивать регулярные сборы среди членов общества, проводить национальные благотворительные вечера с целью пополнения кассы.

Отсюда следует, что Грузинское общество оказывало материальную поддержку всем остро нуждающимся соотечественникам: оплачивало лечение, выдавало пособия самым бедным и неспособным к физическому труду, хоронило умерших.

После окончания войны началась интенсивная застройка Харбина. Собственниками домов стали многие известные грузинские фамилии в Харбине. До трехсот человек грузин были хозяевами торговых предприятий. «Грузины обычно были владельцами гостиниц, держали столовые и буфеты. К примеру, грузин Агрести был первым частным предпринимателем в Харбине, он заведовал небольшой столовой для строителей. Кафешантаном «Белью» заведовал грузин Гамартели, бывший ссыльнопереселенец» [1, с. 72].

Как утверждает исследователь Гончаренко, «традиционно привокзальные буфеты в Харбине принадлежали выходцам из Грузии. Многочисленные кавказцы, обслуживающие в вагон-ресторанах, прицепляемых к транзитным поездам, следовавшим из СССР на юг Китая через Маньчжурию, были вовлечены в этот бизнес и обладали советскими паспортами, что облегчало им контакты с основными поставщиками товара из соответствующих советских учреждений» [5].

Таким образом, присутствие грузин в экономической жизни Харбина было значительным: они держали магазины, мясные лавки, складские помещения, занимались торговлей, ресторанным и гостиничным делом, вследствие чего могли оказывать помощь и поддержку прибывшим в Харбин соотечественникам.

Архивные документы ГАХК Ф.Р-1128. Оп. 2. «Харбинский комитет помощи русским беженцам 1923–1942 г.г.» — анкетные карточки зарегистрированных беженцев, представляющие собой опросные листы, носящие автобиографический характер, проливают свет на многие аспекты биографии, жизни и деятельности беженцев. Например, анкета начала 30-х г.г. состояла из 20 вопросов, включающих как общие сведения, так и общественно-политические факты биографии: фамилия, имя, отчество, время и место рождения, социальный статус, вероисповедание, род занятий до 1917 г., в каких общественных организациях состояли и состоите, профессия, наличие имущества в России, дата и причина прибытия в Харбин, семейное положение, откуда прибыли, где будете жить, адрес места пребывания в Харбине, трудоспособность, нуждаемость в пособиях, наличие документов о личности, кто может подтвердить личность, наличие подданства. Анкеты заполнялись от руки и нередко заверялись подписями поручителей (3).

Примером может послужить анкетная карточка Ф. Р-1128 Лист 211:

- 1) Мисфадзе Борис Петрович, грузин, православный, поручик железнодорожного батальона;
- 2) Родился в 1883 г.;
- 3) Род занятий до 1917 г. — парикмахер;
- 4) В Харбин прибыл в 1917 г. через ст. Маньчжурия, по причине гражданской войны и захвата власти большевиками;
- 5) Причина прибытия в Харбин — чтобы работать и кормить семью;
- 6) Род занятий в Харбине — инструктор по автомобилизму;
- 7) Трудоспособен;
- 8) В пособиях не нуждаюсь.

Анкета была заполнена Мисфадзе Б. П. 26 ноября 1929 г. Есть его подпись.

Приведем в пример анкетную карточку Ф.Р-1128 Лист 160:

- 1) Магулария Иларион Лазаревич, грузин, православный, крестьянин;
- 2) 58 лет;
- 3) Прибыл из Владивостока 9 апреля 1929 г., чтобы найти работу и кормиться;
- 4) Причина беженства: конфискация всего имущества большевиками;
- 5) Род занятий на момент заполнения анкеты: торговля;
- 6) Документов не имею.

Анкета заполнена 29 апреля 1929 г. и подписана Магулария И. Л.

Бесспорно, что данные опросные листы могли служить основаниями для установления причин беженства из СССР и выявления взаимоотношений с советской властью.

Без сомнения, грузины, как и другие выходцы из России, проявляли интерес к событиям на родине, к жизни в другой, неведомой коренным жителям Харбина, стране под названием СССР, сведения о которой они черпали из средств массовой информации Харбина.

В 1920 г. харбинская газета «Заря» №35 от 2 октября размещает на своих страницах объявление: «Грузинское генеральное консульство в Харбине в заседании от 9 сентября постановило предельным сроком для выборки из консульства паспортов назначить 10 октября с. г., после чего выборки паспортов прекратить. Лица, не получившие к означенному сроку паспортов, теряют право на покровительство и привилегии, которые присвоены гражданам Грузинской Республики, зарегистрированных в Генеральном Консульстве. Об изложенном Генеральное Консульство доводит до сведения всех заинтересованных лиц как то: грузин, русских, армян, осетин, евреев, являющихся коренными жителями Грузии» (4).

Есть основания полагать, что причиной появления в печати объявления Грузинского генерального консульства к лицам, заявивших о желании принять гражданство Грузинской Республики и не выбравших паспорта, являются изменения во внешнеполитических отношениях в 1920 г. между Советской Россией и Китаем, выразившихся в стремлении Пекина возратить права в полосе отчуждения КВЖД и его отказ от признания Советской России. В этот переломный период, 8 сентября 1920 г. Китайская республика заявила, что больше не признает консульства России, а 23 сентября 1920 г. порвала все дипломатические и консульские связи с бывшей Российской империей, вследствие чего бывшие подданные Российской империи были лишены прав экстерриториальности и приравнены к иностранцам.

Практическое бесправие, особенно для лиц без гражданства, трудное материальное положение простых людей, высокий уровень безработицы в связи с притоком в Харбин новых беженцев, напряженная внутривластная обстановка, полицейский произвол китайских властей, постоянные советско–китайские и советско–японские конфликты на КВЖД — все это вынуждало грузин в 1930-х г. г. к выезду из Китая.

Поводом для подобного суждения служит заметка «Перепись в Маньчжурии», помещенная на страницах газеты «Рупор» №1834 от 7 января 1927 г., в которой приводятся результаты последней переписи населения: «Согласно статистическим данным численность лиц кавказской народности в гор. Маньчжурия — 35 человек. По сравнению с переписью за 1925 г. европейское население (русское) в г. Маньчжурия за минувший год уменьшилось на 709 человек» (5).

Особенно ухудшилось положение национальных общин, в том числе и Грузинской общины, насчитывающей к тому времени около 400 человек, в период японской оккупации Маньчжурии. Японскими властями в 1934 г. был создан орган, контролирующий деятельность национальных общин и отдельных эмигрантов — Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ). Бюро, проводя прояпонскую политику, вело учет численности русской эмиграции и обеспечивало набор новобранцев в воинские формирования.

Архивные документы ГАХК Фонд 830. Оп. 2. Д. 33. Д. 34 и Оп. 1. Док. 21, датированные 1933–38 г. г., такие, как «Положение о совещании по делам национальных общин и колоний при Главном Бюро по делам российских эмигрантов Маньчжурской империи», «Положение о взаимоотношениях между хозяевами и служащими гор. Харбина», «Положение о совете национальностей при Бюро, о совещании по делам национальных общин, протоколы заседаний совещаний национальных общин», «Приглашения председателей национальных общин на совещания», «Переписка по работе общин», «Вызовы в Бюро Председателей национальных общин (от грузинского общества — Л. А. Хавтаси)», свидетельствуют о том, что все стороны жизни национальных общин в Маньчжурской империи (экономическая, политическая, социально-бытовая) контролировались БРЭМ (6).

Обреченность эмигрантского сообщества, в том числе Грузинского национального общества, заключалась в следовании японской политики в отношении российских эмигрантов и обусловила основную направленность деятельности Грузинской национальной общины: подчинение японским властям и антисоветский характер деятельности организации.

15 апреля 1940 г. в Маньчжоу-ди-Го был обнародован «Закон об обязательной воинской повинности», согласно которому молодые люди, достигшие 19 лет, обязаны отбывать военную службу в рядах императорской армии Маньчжоу-ди-Го. Срок воинской службы составлял три года. Грузинская молодежь служила в японских военных организациях.

В 1942 г. национальные организации, объединявшие представителей грузинской, армянской, татарской и других национальных групп в Маньчжоу-ди-Го, были поставлены под руководство Совета национальностей БРЭМ.

Ввиду враждебной к российским эмигрантам политики китайских и японских властей, постепенного захвата японцами экономики Маньчжурии, предпринимательская деятельность российских эмигрантов, в том числе и грузинских коммерсантов, постепенно сокращалась. Эмиграция разорвалась, не выдержав угроз и нападений, и беднела.

Таким образом, с приходом японцев в Маньчжурию, повседневная жизнь эмигрантов с 1932 г. заметно ухудшилась. Кто мог, уезжал на юг Китая — Шанхай, где легче было устроиться и где не было тотального японского контроля, а оттуда — в США или в Австралию.

Суммируя вышеизложенное, можно отметить основные особенности пребывания грузин на чужбине:

1) Грузинское национальное общество является одной из старейших организаций Харбина, общество имело собственный дом по адресу Да-тун, 24;

2) С начала основания в 1905 г. грузинская колония была направлена на активную предпринимательскую деятельность;

3) Присутствие грузин в экономической жизни Харбина было значительным: они держали магазины, мясные лавки, складские помещения, занимались торговлей, ресторанным и гостиничным делом, вследствие чего могли оказывать помощь и поддержку прибывшим в Харбин соотечественникам;

4) Кавказцы были представлены практически во всех социально-профессиональных нишах города: во врачебной, преподавательской, военной, торгово — ремесленнической корпорациях харбинского социума, многие из них внесли вклад в литературную и художественную жизнь города;

5) Грузины пользовались уважением и большим доверием со стороны администрации и находились в наилучших отношениях со всеми слоями городского населения;

6) Грузинское национальное общество заботилось о сохранении религии, национальной культуры, языка и традиций в грузинской среде. При обществе имелась также национальная школа, где грузинские дети могли изучать родной язык.

Источники:

1. Жизнь и деятельность Грузинской колонии в Маньчжурии с 1906–1910 г. г. // XXX-й юбилейный сборник Грузинского общества в Маньчжоу–ди–Го, 1905–1935 г. г. Харбин, 1937. С. 39–44.
2. ГАХК Ф. 830. Оп. 2. Д. 41.
3. ГАХК Ф. Р 1128. Оп. 1. Анкетные карточки беженцев на «М» на 237 л. 1925–1929 г. г.
4. Информационное сообщение // Заря. 2 октября 1920. №35.
5. Перепись в Маньчжурии // Рупор. 7 января 1927. №1834.
6. ГАХК Ф. 830. Оп. 1. Оп. 2. Д. 21. Д. 33, Д. 34.

Список литературы:

1. Мелихов Г. В. Белый Харбин: сер. 20-х г. г. М.: Русский путь, 2003.
2. Эбралидзе М. Грузинская диаспора в Маньчжурии. Режим доступа: <https://tbilisi.media/cultures/57834-gruzinskaya-diaspora-v-manchzhurii/> (дата обращения 11.12.2016).
3. Анчабадзе Ю. Д. Кавказский Харбин: выходцы из Кавказа в этнокультурной истории города // Владивосток — точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы междунар. науч. конф., (Владивосток, 6–8 октября 2014 г.). Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2015.
4. Чернолуцкая Е. Н. К вопросу о численном составе национальных колоний в Маньчжурии до 1917 г. // Россия и АТР. Содружество на рубеже вв.: материалы Первой междунар. научно–практ. конф. Владивосток, 1999. С. 26–33.
5. Гончаренко О. П. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. 256 с.

Sources:

1. The life and work of the Georgian colony in Manchuria from 1906–1910. XXX-anniversary collection of Georgian society in the Manchu–di, 1905–1935. Harbin, 1937. P. 39–44.
2. SJSHC f. 830, op. 2, d. 41.
3. SJSHC f. r 1128, op. 1, personal card refugees to “m” on 237 l. 1925–1929.
4. Information reported. Zarya, October 2, 1920, no. 35.
5. Census in Manchuria. Rupor, January 7, 1927, no. 1834.
6. SJSHC f. 830, op. 1, op. 2, d. 21, d. 33, d. 34.

References:

1. Melikhov, G. V. (2009). White Harbin: mid. 20-ies. Moscow, Russkii put.
2. Ebralidze, M. Georgian diaspora in Manchuria. Available at: <https://tbilisi.media/cultures/57834-gruzinskaya-diaspora-v-anchzhurii/>, accessed 11.12.2016.
3. Anchabadze, Yu. D. (2015). Caucasian Harbin: natives of the Caucasus in ethno–cultural history of the city. Vladivostok — point return: the past and present of the Russian emigration: proceedings Internat. researcher. conf, (Vladivostok, 6–8 October 2014). Vladivostok, Dalnevostoch. Int.
4. Chernolutsкая, E. N. (1999). To the question of membership of the national colony in Manchuria before 1917. Russia and the Asia–Pacific region. The Commonwealth at the turn of the centuries: the proceedings of the first international. Scient. Conf. Vladivostok, 26–33.
5. Goncharenko, O. P. (2009). Russian Harbin. Moscow, Veche, 256.

Работа поступила
в редакцию 04.02.2017 г.

Принята к публикации
08.02.2017 г.

Ссылка для цитирования:

Логунова З. П. Грузинские витязи на чужбине // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. №3 (16). С. 294–302. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/logunova-z> (дата обращения 15.03.2017).

Cite as (APA):

Logunova, Z. (2017). Georgian knights in exile. *Bulletin of Science and Practice*, (3), 294–302. Available at: <http://www.bulletennauki.com/logunova-z>, accessed 15.03.2017. (In Russian).